

ЧУДО КАК КОНСТАНТА КУЛЬТУРЫ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В книге «Константы. Словарь русской культуры» [3] Ю. С. Степанов подробно рассматривает некоторые понятия («Любовь», «Вера», «Радость» и т. д.) в качестве универсалий, базовых концептов, постоянно присутствующих в культуре и сознании человека. Их устойчивость, актуализация в различных культурах, существование на протяжении достаточно долгого времени дают возможность автору словаря отнести данные концепты к числу констант мировой культуры. По мнению Ю. С. Степанова, концепт – это сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, и то, посредством чего сам человек входит в культуру и влияет на нее. Концепты не только мыслятся, но и переживаются; они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, столкновений и противоречий [3, 43]. В свою очередь, «константа – это устойчивый концепт культуры, существующий постоянно или, по крайней мере, очень долгое время» [3, 84].

В своем исследовании мы предлагаем рассмотреть феномен чудесного как универсальное понятие и причислить чудо к константам культуры.

Вплоть до Нового времени учение о чуде в рамках европейской культуры было уделом богословия, которое воспринимало чудо в качестве особого деяния, совершаемого Богом в назидательных и демонстративных целях. Вопрос о чудесах поднимался прежде всего в связи с евангельскими чудесами, совершаемыми Христом. Критика религии и мифологии, начатая светскими философами в эпоху Просвещения, была направлена не на теоретическую трактовку чудес, а на их фактичность, которая отрицалась. Чудеса представлялись как плоды заблуждения и невежества, что лишило светскую мысль интереса к подробному исследованию теоретических, логических и психологических аспектов феномена чудесного. Возрождение интереса к понятию чуда наблюдается только в XX веке, что объясняется общей (идушей от Шопенгауэра и Ницше) тенденцией к возрождению иррационализма в мировоззрении общества и философии. Первенство в исследовании понятия чуда принадлежит русской философии. Возрождение интереса русских мыслителей к чуду произошло на фоне острейших дискуссий по вопросам религии и атеизма. Однако, несмотря на достаточно позднее научное исследование феномена чудесного, собственно понятие и явление чуда существовали задолго до появления философских, психоаналитических теоретических трудов. Так, согласно первобытному, языческому представлению, чудо – это событие, нарушающее привычный ход вещей, но вполне постороннее и могущее быть произвольно вызванным (а не вымоленным) при помощи магической техники. Первоначально чудо – то, чему можно «чудиться», т. е. удивляться, будь то дерево необычной величины, камень необычной формы, нерегулярное

космическое событие вроде затмения солнца или луны и т. п. Греческое *θαύμα* , латинское *miraculum* , немецкое *Wunder* , русское «чудо» или «диво» и т. п. означают «достойное удивления», «достойное, чтобы на него смотрели» [1, 209].

В древнем мире как к чуду относились к двум явлениям – рождению и смерти и считали их двумя ликами большого космического Чуда появления неких вещей. Сам процесс существования уже за чудо не почитался – древняя интуиция подсказывала, что причинно-следственные связи – это цепи, которые заставляют вещи идти им заранее уготовленным путем. Но вот рождение практически из ничего и уход в неизвестность смело можно было относить к явлениям чудесным.

Греки и римляне понимали под чудом явление или действие божественной или демонической силы и различали чудо богоявления (эпифании), превращения (метаморфозы), **исцеления**, знамения и небесной кары. Чудотворцами могли быть не только боги, но и люди. В архаическую эпоху такие люди чаще всего имели шаманские черты. Начиная с эпохи эллинизма, в качестве пророков и чудотворцев все чаще выступают философы неопифагорейской и неоплатонической школ, например Аполлоний Тианский [2, 155].

Следовательно, можно предположить, что феномен чуда зарождается в архаическую эпоху и занимает определенное место в мировоззрении древнего человека. Однако на этом не прекращает своего развития и постоянно встречается в различных философских течениях и направлениях вплоть до наших дней.

В древнегреческой философии понятие чудо, основанное главным образом на религиозных верованиях, находило себе благоприятную почву по преимуществу в мировоззрениях Гераклита, а ещё более пифагорейцев, признававших непосредственное влияние богов и демонов на человеческую жизнь и установивших мистические культы героев и праотцов.

Только в новой философии, на почве все более и более выясняющейся общей закономерности явлений природы, понятие чудо встречает решительный протест. Спиноза в своём теолого-политическом трактате подвергает это понятие чуда решительной критике, настаивает на необходимости объяснять все явления естественными причинами и прямо отождествляет понятие чуда и неведения. Ещё более решительные возражения против чуда предоставлены со стороны эмпириков. Чудо, как нарушение закономерного хода природы, не является, с точки зрения эмпиризма, чем-то абсолютно немислимым и невозможным.

Выдающийся русский философ А. Ф. Лосев в книге «Диалектика мифа» разъясняет суть категории «чудо». Говорить о чуде, с точки зрения А. Лосева, следует тогда, когда происходящие события можно интерпретировать как соответствующие некой идеальной схеме, имеющей для личности важный ценностный характер. Лосевская теория чуда борется с

двумя традиционными представлениями: чудо как вмешательство высшей силы и чудо как нарушение законов природы, т. е. сверхъестественное явление.

Еще один представитель русской философской мысли В. В. Розанов дает прямо противоположное определение чуда. По мнению В. В. Розанова, нарушение природной закономерности для констатации чудесного необходимо и при этом само чудесное касается не общей оценки всей совокупности фактов, а лишь одного «незаконного», «сверхъестественного» факта, из-за которого весь событийный ряд пошел в ненормальном, то есть в необычном направлении. В этом аспекте в розановской концепции чуда, безусловно, заключена целая философия «ключевого факта», из которой впоследствии вырастет популярное на западе антифаталистическое представление о достаточности изменения некоей мелкой, незначительной материальной детали, чтобы коренным образом изменить ход мировой истории.

Также в оппозиции к лосевской теории чуда находится толкование этой категории отцом Павлом Флоренским. В отличие от В. В. Розанова, П. Флоренский ничего не говорит о сверхъестественности чудесного, но зато для него решающим становится вопрос о происхождении последнего. П. Флоренский указывает, что чудо есть любой факт действительности, а также и весь мир в целом, рассматриваемые как благие и проистекающие от благой силы, от воли Бога. В противоположности вере в чудо находится суеверие, которое видит факты как вредоносные и проистекающие от дьявола [3, 44–70]. П. Флоренский не просто постулирует влияние Бога на мир, но фиксирует веру в чудо и суеверие как возможные альтернативные объяснения одних и тех же фактов. Таким образом, П. Флоренский ставит констатацию чудесного в зависимость от склонности человека связывать факты действительности с Богом, или, говоря шире, – от человеческой интерпретации.

Таким образом, проблема чуда не может получить философского разрешения независимо от основных положений гносеологии и метафизики и предполагает то или иное систематически обоснованное мирозерцание. В противном случае, без определенного мировоззрения как признание чудес, так и их отрицание является выражением чистой веры или мнений, а не разумного убеждения и аргументированного доказательства. С другой стороны, вопрос о вере в чудо является прерогативой религиозного мировоззрения, т. к. без веры в чудо не может существовать ни одна религия.

В теистической концепции чудо рассматривается как победа Божественной воли над природой и «естеством», прорыв из мира сверхъестественного в естественное, из мира благодати в мир природы [1, 209]. Чудо – это знак, знамение, одна из форм откровения, а свершителем его может быть только Бог или, как вариант, Божия Матерь, ангелы. Чудо, понятое как «знамение», входит в состав идеи откровения и отделяется непереступаемой гранью от любого необычного природного процесса. Поскольку чудо для теизма есть символическая форма откровения, любое

сверхъестественное действие, не несущее такого смысла, должно быть понято как пустое лже-чудо.

Для совершения чуда необходимо установление контакта человека и Бога, нужно, чтобы завязался диалог (по М. М. Бахтину, «экзистенциальный диалог»). В таком диалоге собеседники направлены исключительно друг на друга. Руководит беседой Господь, он первым обращается к человеку (часто при посредничестве Богородицы, ангелов).

Все чудеса с теистической точки зрения направлены не на общее, а на частное, не на универсум, а на «Я». Поскольку человек хочет заставить бога творить чудо ради удовлетворения своих человеческих нужд, вера в чудо оказывается сугубо корыстной. Таким образом, можно говорить о личном, частном характере чуда.

Итак, любое христианское чудо (евангельское, библейское, житийное или чудо в сказаниях) может быть представлено в виде цепочки: НЕСЧАСТЬЕ – ОБРАЩЕНИЕ К СВЯТЫНЕ – ИЗБАВЛЕНИЕ; ВРЕД (ЗЛО) – ОБРАЩЕНИЕ К СВЯТЫНЕ – ЧУДО – НАКАЗАНИЕ; ЧУДЕСНОЕ ЯВЛЕНИЕ – ЧУДЕСА – ПОХВАЛА (БЛАГОДАРНОСТЬ). Такая схема раскрывает внутреннюю форму «чуда».

Кроме того, в теологии выделяют различные типы отношения людей к чуду, которые проявляются в жизни христиан и до сегодняшнего времени:

1) *корыстно-потребительское*, когда чудо воспринимается лишь в контексте земной жизни и оценивается по тому, может ли оно принести какую-то пользу или, наоборот, нанести урон материальному благополучию человека;

2) *праздно-любопытствующее*, когда в чуде ищут прежде всего эффективности, зрелищности. Такая реакция на чудеса характерна не только для неверующих, но и для многих верующих людей, которые начинают увлекаться поиском мироточивых икон, прозорливых старцев, благодатных явлений и пр. В теологии предлагается даже специальный термин для обозначения такого искажения духовной жизни христианина – **чудомания**;

3) *осторожно-недоверчивое* характерно как для людей неверующих, которые в силу своего мировоззрения не желают признавать вмешательства Бога в земную жизнь, так и для людей верующих. В последнем случае это проявляется чаще всего вследствие необходимого для христианина трезвого и осторожного подхода к таинственным явлениям, источник которых он по духовной немощи не всегда может различить. В своем крайнем проявлении осторожное отношение к чудесам грозит перейти в **чудофобию**, т. е. отрицание чудес как таковых;

4) *конструктивно-созидательное отношение*, когда чудо воспринимается как «реплика Бога», обращенная к конкретному человеку и требующая ответной реакции: либо вызывает потрясение, некий духовный переворот и влечет за собой изменения жизни человека, либо воспринимается с теплой благодарностью, укрепляет веру, но не вызывает изумления, оно есть нечто естественное.

В целом понятие чуда по-разному истолковывается в современном христианстве у теологов различных направлений.

Следует также обратить внимание, что в связи с развитием психоанализа, предоставляется возможным исследовать феномен чудесного в психоаналитическом и психологическом аспектах. Основоположник и теоретик психоанализа З. Фрейд, рассматривая понятия «чудесное» и «необычное», пришел к выводу, что в необычном реализуется только одно из условий фантастического – описание определенных реакций, в частности, страха. Необычное связано лишь с чувствами героев, а не с материальным явлением, бросающим вызов разуму (напротив, чудесное характеризуется исключительно существованием сверхъестественных явлений и не подразумевает наличия реакций на них у героев).

К. Юнга как психоаналитика интересовало следующее: при каких внутренних состояниях и неких ритуальных действиях во внешнем мире желание человека начинает исполняться как по мановению волшебной палочки. К. Юнг собрал информацию о случаях, которые можно смело назвать чудом, и провел экспериментальную работу по созданию модели чуда в лабораторных условиях. Для этой цели он использовал эксперименты доктора Рэйна по экстрасенсорному восприятию оператором информации. В результате исследований К. Юнг смог сформулировать, как рождается техника магического вызывания или появления сокровенного желания (т. е. чуда) [3].

В итоге и З. Фрейд, и К. Юнг констатировали: чудо есть необходимая психологическая функция, иррациональная по своей природе. Идея чуда неизбежно присутствует в психике каждого человека, а чудесное заведомо существует как феномен психической жизни.

Таким образом, проведенный научный анализ показал, что чудо – явление

чрезвычайно сложное. Его можно рассматривать как:

1. Историческое явление, имеющее реальную расшифровку. Событие, которое можно признать или не признать чудесным, есть историческое событие (по А. Ф. Лосеву). В сфере истории чудо и не-чудо отличается друг от друга не как уникальное от нормального, а как осмысленное от бессмысленного или как значительное от незначительного. Из всех возможных событийных комплексов на роль чуда в лосевском понимании, прежде всего, претендует сама человеческая биография, выражающая личностное предназначение;

2. Социально-психический феномен, анализ которого уводит в сферу человеческого сознания, мировоззрения и мировосприятия;

3. Философское понятие. Объективное значение понятия «чудо» определяется различным философским мирозерцанием (теорией причинности, философией «ключевого факта», теорией эмпиризма и т. д.), а также философскими концепциями западноевропейских и русских философов;

4. **Понятие христианской культуры**, основанной в целом на вере в чудеса, где чудесное явление противоречит закону природы и именно этим оно и поражает человека (чудо вознесения противоречит закону всемирного тяготения, чудеса исцеления – законам медицины и т.д.);

5. **Явление литературы**, обладающее характерной образностью, эмоциональной окраской и подчиненное определенным законам построения;

6. **Фольклорный мотив**, который рассматривается как один из распространенных мотивов славянского фольклора (сказок, легенд, заговоров, песен и др.).

Итак, чудо принимает характер некоей универсалии, которая прочно вошла в культуру, мировоззрение и мышление человека. Причем чудо становится не просто теоретическим понятием, но своеобразным «пучком» представлений, трактовок, знаний, ассоциаций, переживаний, эмоций, которые сопровождают феномен чудесного. Другими словами, пользуясь терминологией Ю. С. Степанова, чудо можно назвать концептом. Чудо как концепт – это основная ячейка культуры в ментальном мире человека, имеющая сложную структуру. Однако термин «концепт» не вмещает и не покрывает всего смыслового и содержательного наполнения, которое заключает в себе чудо. Так, не учитывается устойчивый характер феномена чудесного, который проявляется в культурах разных эпох, находит отражение в ментальном мире разных народов на протяжении длительного временного отрезка. Таким образом, учитывая данную специфику чуда, мы считаем, что вполне закономерно и обоснованно трактовать и рассматривать чудо как одну из универсалий, констант культуры. Подобный подход к проблеме открывает возможность в дальнейшем подробно исследовать истоки чудесного в мифе и фольклоре, архетипические образы, имеющие отношение к мотиву чуда, а также выявить универсальные смежные мотивы (превращение, метаморфозы и т. д.).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авринцев С. С.* Чудо // София – Логос. Словарь. Киев: Дух і Літера, 2001. – С. 209-211.
2. *Розанов В. В.* Во дворе язычников. М., 1999.
3. *Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры: изд. 2-е, испр. и доп. М., 2001.
4. *Флоренский П. А.* Сочинения в четырех томах. Т.1. М., 1996.